

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ЯНА КВАЧАЛЫ С ЙОЗЕФОМ КРУМПХОЛЦЕМ

Рецензия на книгу: Libor Bernát a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Josefom Krumpholcom. Bratislava: Eko-konzult, 2016.

Поскольку совсем недавно вышла моя рецензия на публикацию Л. Берната корреспонденции Яна Квачалы со словацким деятелем Й. Шкултети, то в определенной степени следует отталкиваться от позитивных оценок пребывания Я. Квачалы в дореволюционной России в Юрьевом (Дерптском) университете¹.

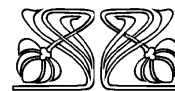
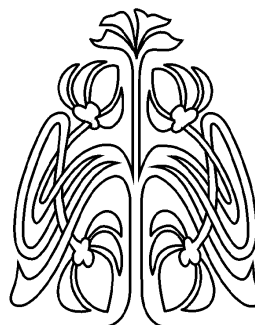
Квачала бесспорно привнес в российскую комениологию новый импульс, включившись в деятельность комениологического отделения Педагогического музея в Санкт-Петербурге (определенный аналог берлинского Comenius Gesellschaft). Названное отделение усматривало «в лице Квачалы лучшего в настоящее время знатока Коменского».

Считаю, что Я. Квачала за время пребывания в России стал олицетворением европейской комениологии без границ, ученым-теологом рубежа XIX–XX веков с широким кругозором.

За последние годы словацкий исследователь Л. Бернат проявил себя знатоком научного наследия Квачалы. В прошлом году вместе с коллективом чешских и словацких ученых он подготовил следующую по счету в квачаловской серии объемную публикацию исторических источников. Вышедшая в Словакии книга представляет собой несомненный интерес, как для богемистов, так и для словакистов и всех комениологов вообще. В этом труде Л. Бернат существенно углубил географические рамки исследования научных инициатив Квачалы, расширив рассмотрение его творческих связей с чешскими землями, и особенно с чешско-моравским регионом, граничащим со словацкими землями.

Новое издание Берната о Квачале представляет собой публикацию переписки (как на чешском, так и на словацком языках) видного комениолога XX в. Яна Квачалы из российского Юрьева (Дерпта) с другим, менее известным коллегой – моравским деятелем-энтузиастом Йозефом Крумпхолцем (1870–1950 гг.). Имя последнего мало что ныне говорит несведущему читателю, хотя ему как комениологу в свое время были посвящены отдельные чешские труды. В 1900-е годы Крумпхолц был учителем средней школы в Моравии близ г. Пршеров и активным членом Моравского учительского общества. Он относился к ценителям Квачалы, а затем даже стал одним из первых его биографов.

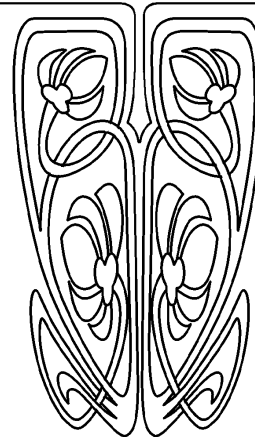
Тесное сотрудничество этих двух ученых-комениологов установилось со второй половины 1900-х годов. По инициативе Общества чешских учителей в Моравии был создан особый комитет по изданию «Полного собрания сочинений Яна Амоса Коменского» (Veškeré spisy J. A. Komenského, сокращенно – VSJAK). В главные редакторы этого издания по предложению известного чешского комениолога Яна Вацлава Новака (1853–1920 гг.) был выдвинут Ян Квачала. В начале 1909 года особый договор с учительским обществом утвердил Квачалу главным редактором VSJAK, что стало важной вехой в творческой биографии как Квачалы, так и Й. Крумпхолца – главной опоры Квачалы в Моравии. Тогда же были опубликованы особые правила по изданию различного рода сочинений Коменского. В каждом выпуске VSJAK должна была даваться краткая характеристика того или иного публикуемого труда,

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

история его возникновения и библиография. Квачалой был составлен временной график издания из тридцати томов, которые должны были выйти в 1909–1923 годы.

Заслугой Л. Берната и его коллег является то, что в целом ряде чешских, моравских и словацких архивов ими была выявлена многочисленная корреспонденция Я. Квачалы и Й. Крумпхолца касательно прежде всего деятельности по изданию «Полного собрания сочинений Я. А. Коменского».

Во вводной части публикации Л. Бернат (с. 17–23) систематизирует собранные материалы и характеризует возникавшие проблемы. Им приведены также ранее неизвестные данные о различных встречах организационного характера моравских активистов учительского общества с Квачалой и об уходе Квачалы летом 1914 года с поста главного редактора «Полного собрания сочинений Я. А. Коменского». Начатое издательское дело VSJAK было возобновлено лишь после создания независимой Чехо-Словацкой республики в 1918 году.

Во введении Берната к публикации важное место занимает, кроме того, характеристика периодического издания – журнала «Архив по изучению жизни и трудов Я. А. Коменского» (*Archiv pro bádání o životě a spisech J. A. Komenského*), главным редактором которого с 1910 по 1923 год также являлся Квачала. Этот моравский журнал стал своего рода дополнением к изданию «Полного собрания сочинений Я. А. Коменского». В его задачи входило побудить исследователей к поиску новых источников о жизни и деятельности Коменского и к их своевременной публикации. Подчеркнем, что большую часть материалов в журнал чаще всего предоставлял сам Ян Квачала, вклад же остальных авторов был, на наш взгляд, незначительным.

Моравское учительское общество рекомендовало публиковать материалы преимущественно на чешском и словацком языках, в то время как Квачала предлагал печатать работы также и на других языках (см. об этом с. 23). Характеристику Л. Бернатом «Архива...» можно отнести к наиболее удачным частям рецензируемого труда (с. 23–31). Здесь же автор углубляет насколько возможно объективную критику Квачалы при работе над моравскими проектами по комениологии, хотя в своих оценках Бернат чаще идет за взглядами пражской школы историка Голла, развивавшей критическое отношение к ученому из российского Дерпта. На мой взгляд, развитие критического настроения Берната в отношении Квачалы не всегда учитывает соперничество различных комениологических школ в Европе того времени.

Отдельный параграф вводной части рецензируемого тома (написанной в целом удачно) посвящен характеристике научных связей Крумпхолца и Квачалы после возвращения того из России в Словакию в 1920 году.

Очевидно, что Л. Бернат в настоящее время является не только в Словакии, но и в Чехии

одним из ведущих знатоков архивных фондов по избранной проблематике. Бросается в глаза, что многочисленные архивные материалы вводятся им в научный оборот впервые. Бернат использовал даже некаталогизированные еще фонды Богословского евангелического факультета Университета Коменского в Братиславе. Этот архив и, кроме того, Архив АН ЧР в Праге, Моравский земельный архив в Брно, а также фонды Музея им. Коменского в Пршерове Бернат ценит, видимо, больше всего и их значение для публикации в примечании издателей подчеркивается особо. Список использованных в публикации архивов Чехии и Словакии приводится на с. 416–418. Одно лишь их перечисление могло бы занять отведенный для рецензии скромный объем, поэтому отсылаем читателя к этому списку архивов. Заметим лишь, что на с. 416 в заголовке «Список источников и литературы» допущен пропуск союза «и». В целом же вспомогательный аппарат труда выполнен на добротном уровне, в этом сказался большой издательский научный опыт Берната как руководителя авторского коллектива. В книге содержатся важные перечни – указатели публикуемых документов, именной и географических названий и др. На с. 410 вверху отмечу досадный пропуск буквы (*V miestnom registri*).

В конце книги прилагается список наименований основной использованной исторической литературы – трудов Квачалы, Крумпхолца и так называемой «остальной» литературы. Последний список без труда мог бы быть шире.

Интерес представляют также публикуемые впервые фотоматериалы, касающиеся жизни обоих корреспондентов, и исторические виды городов, в которых проживали и бывали Квачала и Крумпхолц (*obrazová príloha*, с. 431–441): Петровец, Дерпт (Юрьев), Пршеров, Турчианский св. Мартин.

Из замеченных недостатков отмечу досадный пропуск сноски 40 и отдельные недочеты в написании имен на русском и немецком языках (с. 15, 55, 87, 164). На с. 15 допущены фактические ошибки – премии имени Котляревского (не *Koljarevského*) Квачала был удостоен в России не в 1905, а в 1903 году.

Но ведь без огрехов книг не бывает, тем легче их найти в таком сложном тексте на чешском, словацком и других языках рубежа XIX–XX веков.

В целом публикаторские усилия Л. Берната и руководимого им коллектива следует считать удачными. Думаю, что этот весомый труд заслуживает одобрения как богемистов и словакистов, так и специалистов гуманитарного профиля и особенно комениологов. Рецензируемая публикация переписки Квачала–Крумпхолц, без сомнения, носит позитивный характер. Она представляет собой весомый вклад в развитие не только словацкой, но и чешской комениологии и, думается, оставит заметный след в развитии современной словацкой историографии.

Примечания

- ¹ *Фирсов Е. Ф.* Корреспонденция Яна Квачалы с Йозефом Шкултети : Рецензия на книгу : Libor Bernát a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefov Škultétyom. Bratislava: Eko-konzult, 2015 // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 501–502; *Фирсов Е. Ф.* Ученый-комениолог Ян Квачала в России (источники о научной деятельности из Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб. : Д. Буланин, 2009. С. 223–245.

Е. Ф. Фирсов,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории славян
исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Рецензия на книгу: Лёвин С. В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Рецензируемая монография С. В. Лёвина посвящена актуальной и недостаточно изученной в российской историографии проблеме становления и развития земских статистических учреждений в губерниях Поволжья, входивших во внутреннюю окраину Российской империи, на территории которой во второй половине XIX в. сформировалась новая российская житница, поставившая на внутренний и внешний рынки сельскохозяйственную продукцию – товарное зерно и муку.

Выбор предмета исследования объясняется также и тем, что земские статистические учреждения осуществляли не только текущий учет разнообразных сторон жизни крестьян и функционирования их хозяйств с учетом почвенных и климатических условий, но и разрабатывали программы проведения статистических исследований, в которых использовались современные для того времени методы и математические приемы обработки данных, что позволяло определять вектор развития аграрного сектора губерний, входивших в лесную, лесостепную и степную зоны Поволжья.

Отметим также, что земские статистические учреждения Поволжья внесли огромный вклад в создание уникальных источников по аграрной истории региона, а их методологические принципы проведения подворных переписей крестьянских хозяйств, материалов оценки земель, участие в проведении Всероссийских переписей 1916 и 1917 гг. были высоко оценены в научной исторической и экономической литературе.

Обращение к исследуемой теме позволяет оценить научную значимость земско-статистической службы, ее успехи в проведении исследований, а также показать сложности изучения

экономики региона, рассмотреть эти проблемы на уровне земских статистических организаций, сквозь призму профессиональной деятельности руководителей земской статистики и социальных практик земских служащих. В монографии впервые в российской историографии представлен комплексный анализ становления и развития земской статистики на уровне губерний и в целом Поволжья. Автор рассматривает изучаемую проблему по нескольким линиям: 1) процесса эволюции аграрного строя в условиях реализации реформ, войн и революций; 2) роли земств в формировании аграрной инфраструктуры и их участия в экономической жизни региона; 3) взаимоотношений земских статистических организаций с коронной администрацией. К числу достижений следует отнести изучение повседневной жизни земских статистиков, освоении ими новых социальных практик и коммуникаций при разработке и проведении статистических исследований. В совокупности указанные выше проблемы способствуют более глубокому изучению места и роли земской статистики в исследовании многих проблем аграрной истории второй половины XIX – начала XX в.

В исследовании представлен анализ историографии проблемы, правомерно выделены три периода в ее становлении и развитии. Оценивая исследования дореволюционного периода, С. В. Лёвин правомерно отмечает, что первыми историками были сами земские статистики, которые акцентировали внимание на разработке программ исследования, методологии и способах реализации проведения исследовательских работ. Вместе с тем отметим, что в это время появились первые работы, в которых давалась оценка концептуальных воззрений земских статистиков. Речь идет о работах В. И. Ленина, А. В. Чайнова, С. Н. Прокоповича. Следует позитивно оценить вывод о том, что в 20-е гг. XX в. методология земских статистиков оказалась востребована нарождающейся советской статистической службой, в руководство которой входили земские статистики, в том числе руководитель пензенских статистиков В. Г. Громан. Позитивная оценка исследований земских статистиков содержится в трудах советских историков–аграрников, и прежде всего одного из лидеров советской исторической школы С. М. Дубровского.

Но затем интерес к изучению земской статистики стал угасать и возобновление этой проблематики произошло с конца 50-х гг. XX в., что было вызвано дискуссиями о характере аграрного строя Российской империи и многоукладностью экономики России конца XIX – начала XX в. Отмечены новые подходы в изучении проблемы, которые стали явственно проявляться со второй половины XX в. В контекст историографического обзора включена зарубежная историография. Реконструируя процесс создания и развития земской статистики автор выявил и изучил комплекс разнообразных источников. В центре внимания